

HAL
open science

Экологическая тревога 1990-го года в Усть-Каменогорске

Marc Elie

► To cite this version:

Marc Elie. Экологическая тревога 1990-го года в Усть-Каменогорске. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XXII Междунар. науч.-практ. конф., 25-26 сентября 2023 г., Усть-Каменогорск. / Ethnodemographic processes in Kazakhstan and in neighboring territories. Collection of scientific papers delivered at the 22nd International Scientific and Practical Conference, 25-26 September 2023 in Ust-Kamenogorsk, Media-Allians, pp.474-485, 2023, 978-601-7887-47-6. <hal-04366835>

HAL Id: hal-04366835

<https://hal.science/hal-04366835v1>

Submitted on 4 Jan 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Distributed under a Creative Commons Attribution - NonCommercial - NoDerivatives 4.0 International License

периодичностью публиковались различные материалы, а также статистические сведения о состоянии немецких колоний в СССР, положении немецкого крестьянства в годы предшествующие коллективизации сельского хозяйства и в период ее проведения. В большинстве своем материалы периодических изданий веймарской Германии констатировали, что проводившаяся сталинская политика коллективизации сельского хозяйства привела сельскохозяйственное производство в немецких колониях в состояние полного расстройства и завершилась голодом и эмиграцией

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Darmstädter Tageblatt» vom 16.03. 1929, S.13
2. «Darmstädter Tageblatt» vom 20.06. 1929, S.9
3. «Hamburger Fremdenblatt» vom 13.10. 1929
4. «Kölnische Zeitung» vom 20. 10. 1929
5. «Hamburger Fremdenblatt» vom 5.11. 1929
6. «Chemnitzer Tageblatt und Anzeiger» vom 8.11.1929
7. «Dresdener Nachrichten» vom 13.11.1929, S.2
8. «Münchener Post» vom 15.11.1929
9. «Frankfurter Zeitung» vom 16.11.1929
10. «Dresdner Neuste Nachrichten» vom 23.11.1929, S.3
11. «Kölner Tageblatt» vom 11. 03. 1930
12. «Berliner Börse – Zeitung» vom 25. 03. 1930
13. «Frankfurter Zeitung» vom 4.04.1930

Эли М.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА 1990-ГО ГОДА В УСТЬ-КАМЕНОГОРСКЕ

Аннотация

12 сентября 1990 г. несколько взрывов прогремели на Ульбинском Metallургическом Заводе в Усть-Каменогорске. В результате аварии завод выпустил 50 тонн высокотоксичного бериллия в ат-

мосферу города. Эта катастрофа действовала как тревожный звонок для города, который с 1986 г. стоял в стороне от экологических протестов, сотрясающих поздний СССР. Теперь жители стали требовать от городских и областных властей принятия срочных и решительных мер. Верховный совет СССР (избранный в 1989 г на квази-свободных выборах) заказал обширное исследование экологического и санитарного состояния города и горожан. Основываясь на документы ГАРФ и ГАВКО, данное сообщение фокусируется на событиях, предшествующие формирования комиссии и на результаты ее работы, представленные городу в конце 1991 г., буквально накануне распада Советского союза.

Ключевые слова: экология, катастрофа, экологические протесты.

Abstract

On September 12, 1990, several explosions occurred at the Ulba Metallurgical Plant in Ust-Kamenogorsk. As a result of the accident, the plant released 50 tons of highly toxic beryllium into the atmosphere of the city. This catastrophe acted as a wake-up call for the city, which since 1986 stood aside from the environmental protests shaking the late USSR. Now residents began to demand urgent and decisive measures from the city and regional authorities. The Supreme Soviet of the USSR (elected in 1989 in quasi-free elections) commissioned an extensive study of the ecological and sanitary condition of the city and citizens. Based on the documents of the GARF and GAKO, this report focuses on the events preceding the formation of the commission and on the results of its work presented to the city at the end of 1991, literally on the eve of the collapse of the Soviet Union.

Keywords: ecology, catastrophe, environmental protests.

«Родина-мать! Услышь, наконец, наш крик отчаяния и безысходности, крик протеста против экологического геноцида, ведомств и их местных чиновников. Без срочного вмешательства Правительства СССР и Казахской ССР население нашего города обречено на вымирание» [6].

Введение

Усть-Каменогорск (по-казахски Оскемен) - большой зеленый город, расположенный на слиянии стремительной Ульбы и величественного Иртыша. Он сохранил характер социалистического города с микрорайонами, в которых многоквартирные дома разделены огромными дворами, обсаженными деревьями. Вместе с тем Усть-Каменогорск уже несколько десятилетий входит в число наиболее загрязненных городов Казахстана, особенно по содержанию свинца. Основанный в 1720 г. русскими солдатами на полосе земли между двумя реками, Усть-Каменогорск с 1950-х гг. пережил мощное промышленное развитие: на территории около 200 кв.км располагались 245 заводов, 85 из которых отличались высокой степенью загрязнения и взрывоопасности, и проживало 325 тыс. человек. Столица Восточно-Казахстанской области играла ключевую роль в производстве цветных металлов и в урановом цикле для советского военно-промышленного комплекса.

Экстремальная индустриализация привела город к экологической и санитарной катастрофе, которая усугубилась крупной аварией в сентябре 1990 года. Местные жители с запозданием вышли из «многолетней спячки» и начали кратковременную фазу экологических протестов [1]. Однако ни эта мобилизация, ни поддержка местных властей, ни вмешательство Москвы не смогли остановить разворачивание катастрофы, которая продолжилась и в независимом Казахстане. В данной статье рассказывается об этой истории и исследуются причины бездействия в городе, ставшем мучеником военно-промышленного комплекса.

Усть-Каменогорск — типичный советский промышленный город. Вместе с соседними Зырянском, Лениногорском, Семипалатинском, Павлодаром и Экибастузом он образует один из добывающих центров Казахстана. Его экологическая и санитарная ситуация сопоставима с состоянием десятков промышленных городов СССР. В этих городах уровень загрязнения окружающей среды значительно превышал тот, который наблюдался в столицах республик и союза. Тогда как столицы (включая Ленинград) отличались очень высокими валовыми эмиссиями, на душу их населения в среднем приходила лишь 0,07 тонна вредных веществ. В промышленных

городах, где проживала менее полумиллиона человек, на каждого приходило тонна эмиссий, т. е. 14 раз больше, чем в столицах [2, 3]. Хотя эти города мало представлены в историографии, именно в них были сосредоточены наиболее серьезные экологические и санитарные проблемы, связанные с промышленностью. В большинстве из них демократизация 1989-1991 годов, независимость, порожденная распадом СССР, и рыночная экономика не обеспечили выхода из экологического и медицинского кризиса, как мы увидим на примере Усть-Каменогорска.

1. Сентябрь 1990: ползущая катастрофа становится общественной проблемой

Около полудня в среду, 12 сентября 1990 г., в результате серии взрывов на Ульбинском металлургическом заводе (УМЗ) в городскую атмосферу было выброшено около пятидесяти тонн бериллия. Бериллий - высокотоксичное вещество, способное вызывать тяжелое заболевание легких - бериллиоз и рак. В течение нескольких часов после отравления руководство завода и региональные власти хранили молчание, а на территории пострадавшего предприятия проводились спасательные работы. Но вскоре тайна стала известна: работники завода попросили свои семьи срочно забрать детей из школы и затаиться дома. Информация об опасности стала распространяться среди жителей по телефону. Некоторые вооружились противогазами. Через два часа после аварии штаб Гражданской обороны попросил жителей не выходить из дома, закрыв окна. Затем было объявлено, что все вернулось в норму и опасности для населения нет [6]. Однако эти официальные сообщения не соответствовали ситуации: они не раскрывали ни места аварии, ни тип аэрозоля, выброшенного заводом, ни наличие токсичного облака надо городом. На самом деле бериллиевое облако значительно подействовало на окружающую среду: концентрация бериллия в атмосфере в часы после аварии достигала 60 ПДК, а в некоторых местах 96 ПДК в течение 4–5 часов. До 18 сентября регистрировали превышение ПДК бериллия от 1,1 до 12,5 раз [10].

Жители не поверили успокаивающим заверениям. Откровения о Чернобыле, сотрясавшие страну с опозданием, с 1989 года, подорвали веру в то, что власти защищают жизнь и здоровье людей. Ты-

сячи жителей, возглавляемые местным экологическим комитетом, собрались 27 сентября у здания областного комитета партии. Они выдвинули требования, казавшиеся радикальными в советском контексте [6]. Они оказали давление на республиканское и союзное руководство, решив отменить шествие 7 ноября в честь Октябрьской революции и пообещав провести всеобщую забастовку, если их не услышат.

Демонстранты утверждали, что стали жертвами «нетерпимого, критического экологического положения». Эта опасность была частью их повседневного опыта и отражалась в собранной ими статистике: каждый сотый ребенок был мертворожденным; уровень злокачественных опухолей, кожных и кровяных заболеваний и смертности значительно превышал средний по Казахстану. Бериллиевая катастрофа заставила их осознать «реальность смертельной опасности над нашим домом». До этого «нас много лет держали в экологической темноте, мы были безропотны». Теперь они поняли, что «население г. Усть-Каменогорска находится под многолетним и непрерывным воздействием многокомпонентной токсичной среды, к условиям которой организм человека не приспособлен». Апеллируя ко всем властям Казахстана и СССР они заявляли: «Сегодня наше терпение кончилось... дальше так жить нельзя!» [6].

В сентябре 1990-го г. формировался широкий фронт жителей города, ратовавших за радикальные изменения в экономических отношениях, чтобы выйти из экологической и санитарной катастрофы. Участники митинга создали стачечный комитет, чтобы одним голосом говорить с руководством заводов и области. Их требование поддерживал и доводил до Верховного совета СССР народный депутат и врач-хирург Бруно Эрихович Рейш (1927-1992) [7]. Горком комсомола и ее орган, перестроечная газета *Импульс*, также приняли сторону протестующих. Комсомольцы опубликовали открытое письмо М. С. Горбачеву, в котором они бериллиевую катастрофу назвали «последней каплей, переполнившей чашу нашего терпения» [8].

Председатель городского совета Николай Носиков (1945-1998) переправил резолюцию митинга в Алма-Ату и Москву. Он подчеркнул, что жители были «заложниками ведомственного диктата» и

что отравляющие вещества в воздухе, почве и воде «поставили на грань катастрофы жизнеобеспечение города» [9].

Можно сгруппировать требования жителей в несколько категорий. Первая — физическая. Жители требовали остановить строительство новых заводов до проведения местного референдума, снизить объем производства грязных заводов до мощности очистных сооружений и начать перевозку заводов за черту города. Загрязнение должно было прекратиться сразу, даже в ущерб производству.

Вторая категория — знание. Требовали создания «независимой экспертизы». Ведомственные лаборатории и Гидрометслужба, в прерогативы которой входил мониторинг загрязнения всех средств, были хорошо оснащены оборудованием и специалистами. Однако, поскольку они много лет «обеляли» катастрофические экологические результаты заводов, жители не доверяли им. Для гарантии независимости жители настаивали на включение в создаваемые комиссии и лаборатории иностранных экспертов.

Третья категория — справедливость. Группа требований касалась восстановления справедливости. Следуя одной из классических классификаций типов правосудия, можно различить перераспределительную справедливость, возмездное правосудие и восстановительное правосудие. Остро жители требовали распределительного правосудия — т. е. восстановление справедливых социальных отношений на базе равенства всех работающих. Нарекания вызывало лучшее материальное положение сотрудников УМЗ («своя поликлиника, свои магазины, усиленное питание») [4], тогда как многие жители страдали от дефицита. Поэтому митингующие требовали «уровнять всех жителей города с работниками УМЗ по обеспечению продовольственными и промышленными товарами, по санаторно-курортному обеспечению, медицинскому обслуживанию» [6].

Также в сферу перераспределительной справедливости входило требование перераспределить финансы между городом с одной стороны и Москвой и Алма-Атой с другой. У жителей создалось впечатление, что престижный, союзный статус многих заводов плохо компенсировал их скудный и отравленный образ жизни. Деньги уходили в Москву, а городу не оставили достаточно средств, чтобы

боротся эффективно против резко отрицательных явлений промышленного производства. Чтобы это изменить, требовали, чтобы либо заморозили отчисления от прибыли в государственный и республиканский бюджеты с отправлением этих денег на оздоровление экологии, либо оставили 70% налогов на прибыль в местных бюджетах. Также требовали прекратить экспорт из области выращенных в ней продуктов питания [6, 8].

Митингующие требовали привлечь к ответственности виновников аварии, в т. ч. директора УМЗ В. Л. Метте. Это область возмездия, когда виновники должны понести наказание, отвечающее совершенному поступку. Наконец, жители придавали большое значение третьей форме правосудия — восстановление жертв в достойная жизнь. Как жители выражались — «создать человеческие условия для нашего проживания в городе» [6]. Для этого они требовали признания за городом статуса «зоны экологического бедствия», который обещал социальные льготы и средства по восстановлению города.

Изменение масштабов и отзвук требований заставили политическое руководство города занять четкую позицию. Фактически роль городского и областного Советов стала более значимой в политическом балансе, в котором ранее доминировала партия (горком и обком). К осени 1990 г. в промышленном городе, похоже, был создан фронт, объединяющий убежденных граждан, экологов и политиков, решительно настроенных на изменения в области экологии и здравоохранения.

2. Здоровье, как у ликвидаторов чернобыльской катастрофы

Созданное в Москве в 1989 г. новое министерство охраны окружающей среды - Госкомприрода - предложило, чтобы экологическую экспертизу проводила частная компания, поскольку у комитета не было ресурсов для выполнения этой работы самостоятельно. Финансирование должно было осуществляться за счет средств предприятий-загрязнителей. Однако правительство отклонило это предложение по просьбе Гидрометеорологического комитета, который хотел сохранить за собой эту прерогативу [9, 5]. Москва пошла по традиционному советскому пути и создала экспертную

комиссию под эгидой Верховного Совета, которая в течение года работала в Усть-Каменогорске для составления полной картины санитарно-экологического состояния. Парламентское происхождение комиссии должно было означать независимость экспертизы; по крайней мере, она не находилась в руках промышленных министерств, как это было до сих пор [11].

Биогеохимик Анатолий Назаров, уже возглавлявший Чернобыльскую комиссию Президиума Верховного Совета, возглавил комиссию по Усть-Каменогорску, объединившую десятки специалистов в трех группах: экологической, медицинской и юридической. Как последний «огонек» советской «большой науки», комиссия произвела «около 15 тысяч химико-аналитических определений тяжелых металлов и токсичных органических веществ в воде, воздухе, почве, продуктах питания; около 17 тысяч химико-токсикологических, иммунологических, цитологических и других анализов крови и биологических жидкостей детей и населения». Углубленному обследованию подверглись несколько тысяч жителей. Вся эта информация хранилась в 15-мегабайтной базе данных [11].

Комиссия представила свой итоговый доклад председателю горсовета Носикову 25 декабря 1991 г., когда СССР распался. Диагноз был страшен и безапелляционен: «Здоровье детей и взрослого населения города неуклонно ухудшается и по многим показателям достигло опасной критической черты, либо перешло ее пределы. Город ... находится в состоянии экологической катастрофы». Например, по свинцу: жители города получали через пищу от 2,5 до 11,5 раз превышающую максимально допустимую дозу свинца (норма ФАО), к которой добавлялся почти эквивалент максимально допустимой дозы, получаемой через питьевую воду, и неустановленное количество свинца, попадающего в организм в виде пыли. Каждый житель подвергался воздействию одной тонны выбросов в атмосферу в год. По заключению комиссии, состояние их здоровья было таким же, как у ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС [11].

Комиссия привела ряд ошеломляющих данных. В реки Ульба и Иртыш ежегодно попадало 150 млн. куб. м. жидких выбросов. Спутниковые снимки показали наличие 11 ранее неизвестных мест

сброса токсичных веществ в воду. Эти места держались в секрете. Если прекратить все выбросы, то для восстановления водного баланса потребовалось бы 200 лет. «Шлейф» из аэрозолей и токсичных газов нависал над городом независимо от погоды и времени года [11].

3. Разрыв между диагностикой и лечением

Неумолимая оценка, подготовленная комиссией Верховного Совета, казалась бы, оправдала тревогу демонстрантов. Но меры, которые она предлагала, совпадали с теми, которых требовали жители только в одном: создание «зоны экологического бедствия» [12]. Остальные предложения комиссии были противоположены требованиям жителей. Когда жители требовали отселения заводов, то комиссия предлагала переселить жителей дальше от заводов. Когда жители требовали срочных мер, комиссия отдавала заводам несколько лет, чтобы установить жизненно необходимые фильтры и другие очистные сооружения. Комиссия не предложила никакого механизма, который заставил бы промышленников сократить выбросы, тогда как жители требовали сократить производство до уровня реальной фильтрующей способности предприятий: это была единственная мера, способная заставить руководство промышленных предприятий установить эффективное оборудование для ограничения выбросов. Однако комиссия, порекомендовав лишь временное закрытие некоторых особо загрязняющих цехов, старалась как можно меньше потревожить руководство заводов. Она предложила компенсировать ущерб природе и здоровью не за их счет, а за счет союзного бюджета, который тогда пребывал в бедственном, безнадежном положении. Этим было гарантировано, что ничего не изменится в экологической катастрофе.

Открылась пропасть между ужасающей картиной экологической беды и неадекватностью предлагаемых мер. Как и везде, экспертиза выполняла роль средства успокоения демонстрантов и выигрыша времени для промышленных министерств. Более того, эксперты оказались в двусмысленном положении: местные жители ожидали от них разработки мер, способных кардинально улучшить состояние окружающей среды, а правительство в Москве хотело, чтобы Усть-Каменогорск оставался узловым пунктом в производ-

стве цветных металлов и в урановом цикле. Поэтому в состав комиссии вошли ученые, убежденные в преимуществах промышленного развития. В ее состав не вошли ни экологи, ни иностранные эксперты [11].

Один из московских экспертов, геолог Павел Флоренский, заявил местной прессе: «Легко сказать — задвинем задвижку и выхлопов не будет. Все равно не задвинем». Вместо закрытия задвижек Флоренский предложил развивать «просвещение» горожан как «главным двигателем экологического развития города» [13]. Скрытая поддержка экспертами интересов промышленников за счет здоровья населения возмутила Носикова, который написал в Москву и Алма-Ату: «Мы с тревогой отмечаем, что в действиях и предложениях посланцев Верховного Совета СССР... явно прослеживаются старые подходы для решения экологических проблем. Населению города ... необходимы нетрадиционные решительные меры по ликвидации катастрофы» [9].

В итоге комиссия мало что дала для принятия решений. До начала ее работы были уже известны все необходимые явления и собраны все необходимые данные [5, 10].

Ее работа только отодвинула принятие решительных мер, которых требовали жители.

Заключение

Даже те скромные меры, которые рекомендовали москвичи, не были применены. Статус зоны экологического бедствия, несмотря на поддержку комиссии, признан не был. Министерства не выплачивали компенсаций и не расселили жителей, тем более не отселили, не закрыли заводы, которые, несмотря на смену формы собственности, продолжали выпускать продукцию для российского ВПК. Ядерная свалка не закрыта, а расширена. Над городом продолжала висеть смертельная опасность новой аварии, а жители по-прежнему ежедневно подвергались неприемлемому уровню токсического загрязнения. Ситуация не сильно изменилась после обретения Казахстаном независимости, разве что прибыль стала направляться не в Москву, а в Алматы и Астану. Но у города по-прежнему не было ресурсов, чтобы справиться с серьезными проблемами здоровья и противостоять магнатам цветной металлургии. Кратковременное

возрождение 1990 г. остается уникальным эпизодом в истории города, не уступающим экологическим мобилизациям в других регионах Советского Союза времен перестройки. Эта статья не раскрыла ни факторов, приведших к экологической катастрофе, ни причин быстрого ухода ее с повестки дня. Эти важные вопросы остаются задачей для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Стаечный комитет создан, Импульс. Молодежный еженедельник, 7-20 октября 1990г., №37-38 (43), с. 1.
2. В. Болдырев. Население СССР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г., Москва, 1990, с. 21-26.
3. Murray Feshbach and Alfred Friendly. Ecocide in the USSR: Health and Nature Under Siege (Basic Books, 1992), с. 289-292.
4. Работники «Востокмашзавода». На митинг — всем городом! (обращение к устькаменогорцам), Импульс, 28 сентября - 3 ноября 1990г., №40 (45), с. 3.
5. Председатель Гос.комитета СССР по гидрометеорологии Ю.А. Израэль. 04.01.1991. ГАРФ, Ф. Р-5446, Оп. 163, Д. 1357, Лл. 115-117.
6. Резолюция экологического митинга жителей города Усть-Каменогорска 27.09.1990, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), фонд Р-5446, опись 163, дело 1357, листы 34-37.
7. Письмо народного депутата СССР Рейша Б.Э. Председателю Президиума Верховного Совета СССР т. Лукьянову А.И. и председателю Совета Министров СССР т. Рыжкову Н.И. ГАРФ Ф. Р-5446, Оп. 163, Д. 1357, Л. 7.
8. Открытое письмо первого секретаря Усть-Каменогорского горкома комсомола Е. Филимонова «от имени комсомольцев и молодежи г. Усть-Каменогорска», 19 октября 1990. ГАРФ, Ф. Р-5446, Оп. 163, Д. 1357, Лл. 9-10.
9. Письмо председателя Усть-Каменогорского городского Совета народных депутатов Н.Т. Носиков Президенту СССР т. Горбачеву М.С., Президенту Казахской ССР т. Назарбаеву Н.А и другим. 25.10.1990. ГАРФ, Ф. Р-5446, Оп. 163, Д. 1357, Лл. 30-33.

10. Протокол совещания в г. Усть-Каменогорске, 19.10.1990, ГАРФ, Ф. Р-5446, Оп. 163, Д. 1357, Лл. 16-23.
11. Экспертное заключение по комплексному социально-экономического обследования г. Усть-Каменогорск, Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО), Ф. Р-1387, Оп. 2, Д. 42, Лл. 5-11.
12. Председатель Постоянной экспертной группы ВС СССР А.Г. Назаров, ГАВКО, Ф. Р-1387, Оп. 2, Д. 42, Лл. 12-13.
13. Интервью с П. Флоренским. Губерния. Еженедельная газета, № 23, июль 1991.